

Мастера искусств

НАЧАЛО

Людмила Зыкина

ОСТАЛАСЬ У МЕНЯ от той поры одна-единственная фотокартонка: косы, прямой пробор. И дата — 1941 год...

С того памятного утра, с 22 июня, переменилась моя жизнь — война, бомбежки, зажигалки, ночные дежурства. Заводской цех, а вместо обычной — школа рабочей молодежи.

Никакого особого героизма не было в этом — просто отец ушел на фронт, а иждивенческой карточки нам не хватало. Мама как была санитаркой, так и осталась.

Не буду вспоминать все подробности быта тех лет. Расскажу лишь о том, что связано с песней.

Рядом с домом нашим, у окружной железной дороги, устроили общежитие медицинских сестер и санитарок — «миросердных сестер», так называли их старые солдаты. Стояло первое жаркое, грибное лето войны, на пути — эшелоны. В больницу, ставшую военным госпиталем, каждый день привозили раненых.

Красноармейцы забегали на «огонек» к девочкам — медсестрам и санитаркам. Устраивали угощение — чай да баранки, приглашали соседей. Я тоже приходила, забивалась в уголок. Грустными были те «посиделки» — назавтра молодые ребята возвращались в части свои, терялся их след.

Я ходила туда чуть ли не каждый вечер, боялась пропустить.

Как-то на «посиделках» я взяла гитару и запела. Пела и старые, бабушкины, маминьы, и новые, военные: «На позицию девушка провожала бойца» и «Синий платочек». Выздоровливающая команда — первые мои слушатели и ценители — одобрила: «Подходяще поешь!»

А через несколько месяцев стало совсем не до песен — поступила я на станкостроительный. Ученицей токаря. Прибавила себе два года — иначе бы не взяла.

Дорогой мой Московский станкостроительный имени Серго Орджоникидзе!.. Давно уже строгие столичные власти наложили запрет на фабричные гудки. А в те дни по всей окраине, от фабрики к фабрике, от завода к заводу, гудки — торжественно и чуточку тревожно.

Утро. Смена.

Тысячи людей заполняли и Донской, и Люсиновку, и Шаболовку. К остановке, гремя, подходили набитые до отказа трамваи, и редко кто не сходил у заводских ворот.

Шли слесари, механики, токари. Шла к проходной и я — ученица, а потом токарь. «Зыка» по-заводскому...

Ничего теперь не узнать в родном цехе. Стены только, может, и сохранились. И прежнее место не отыскать между рядами новейших станков. Может быть, здесь, поближе к углу, в сорок первом стоял мой старенький обдирочный...

До станка не доставала. Ставили стеллаж, чтобы выше было. И все время хотелось спать. Однажды, чтобы не заснуть, запустила соседний станок. Пришел мастер, посмотрел, а токаря Зыкиной не видно... Но норму перевыполнила, и вручили мне четыре красных флажка как ударнице.

Прислали как-то мальчишек-учеников. Наплакалась я от них, непутевых... Один говорит: спляши; Зыка, четку — тогда будем тебя слушаться. Пришлось выучиться четке, сплясать...

Всякое бывало. Но и сейчас, объездив полсвета, прихожу я на завод... К своим — не по путевке и не для киносъемки — по самой искренней душевной потребно-

сти. И пропуском заводским горжусь...

Скоро тридцать лет нашей Победе. И уже думаю я о новой программе — «Песни и стихи войны». Ищу хронике, бесценную хронике тех военных лет — она должна помочь нам в программе этой.

Пришел сорок пятый. Год Победы. Был в нашем клубе самодеятельный концерт, в котором я принимала участие, один из тех немногих концертов, что остаются в памяти, что оставляют след в душе.

Очень хотелось мне, шестнадцатилетней, быть красивой в тот год Победы: достала брошку, заколки — все самое простенькое, самое дешевое: причесывалась, бантики гладила. Подружек просила оглядеть: все ли нарядно, все ли празднично? Чувствовала какой-то озабоченность — все-таки победный концерт. Пела — все помню — «Познакомил нас...», «Огонек»; затем взяла гитару, исполнила «Бежал бродяга» и даже «жестокый» романс «Верный». Мне в голову тогда не приходило, что построила я выступление так, как могла бы, скажем, и сегодня: все жанры присутствуют — и народная песня, и советская, и романс...

В концерте том одна я представляла песню — были четцы, танцоры, музыканты, а вокалистов не было. Это, наверное, и сыграло свою роль — заставило меня петь долго, не отпускали со сцены.

Тогда уже все определилось — и стала я ходить каждый вечер в совхозный клуб Черемушек.

Сестры Шура, Нина и Зина Александровы и я — вчетвером — ухаживали за нашим баянистом Павлом. Ухаживали наперебой, но без ссор и ревности — лишь бы играл, лишь бы сочинял песни. Сами придумывали слова частушек и лирических попевок. Пели их, провожая друг друга.

Дорога наша шла через пруды. А над прудами склонились к воде большие раскидистые ветлы...

Я про ветлу написала стихи, а Павел подобрал мелодию. Все меня поздравляли.

— Павел в тебя влюблен, в малолетку!.. — А я от счастья готова была поэмы сочинять... Но любил дорогой наш баянист совсем другую, взрослую девушку...

Наша школа рабочей молодежи помещалась на Серпуховке: там тогда играл театр имени Моссовета — я все спектакли, наверное, пересмотрела.

Как только успевала — производство, танцы, кружок, клуб, школа, театр?..

И думать не думала, что стану артисткой.

Актёр, считала я тогда, — это избранный, особый, не похожий на обычных людей человек.

А все-таки неудержимо тянуло меня в клуб!

Был он маленький, неказистый, с низкими потолками. Но нам казался дворцом. Чистым, светлым, высоким. Приходила в клуб моло-

дежь — заводская, колхозная, ребята из соседних совхозов, солдаты. Сами убирали, надраивали полы до блеска. Никогда не было в нашем клубе грязи, сорить — и то боялись, как в метро. А как украшали мы его «залы» в праздники!..

Сколько сыграли концертов, поставили спектаклей — никакой выгоды не искали, считали за счастье выступать... У нас, в нашем брвенчатом черемушкинском, не было похожих дней — и концерты, и диспуты, и спектакли, и песни, и танцы (под баян — радиолы не было у нас!), и ситцевый бал, и еще какой-то, и план был по выручке — но после фильма, за полночь, мы репетировали!..

Мама слушала нас и иногда в шутку говорила:

— Свой хор Пятницкого...

Была она, мама моя дорогая, малограмотная, едва выучилась расписываться, но знала, что есть на свете высочайший, благороднейший образец, эталон народного гения — хор имени Пятницкого...

И когда из черной радиотарелки доносились захаровские песни, замирала она, слушала с благоговением. Хор этот и для меня — святыня...

Ни она, ни я, ни подружки мои и не думали, что когда-нибудь я, Люська Зыкина из черемушкинской самодеятельности, буду петь у самого Захарова...

Но тут начинаются другие главы моего рассказа.

Новые главы жизни.